

Больше всех люблю брата

Чёрт!

Ци Яо, увидев, что дело плохо, тут же снял Ци Хэюя со стены, усадил в кресло и бросился бежать обратно.

Всю дорогу он без умолку тараторил о важности открытия класса, преподавания и воспитания.

***

Центр наблюдения за «Гибельным переулком»

В тот момент, когда Ци Хэюй раскрошил в руке кирпич, центральный прибор предмета «Я слышу твой секрет» издал оглушительный визг, и неопиcуемый ужас охватил всю комнату наблюдения.

Лицо командира отряда мгновенно стало мертвенно-бледным. Он инстинктивно бросился к начальнику, чтобы защитить его, но не успел сделать и шага, как рухнул без сознания. Начальник, находившийся ближе всех к прибору, уже давно лежал на полу, из его носа и рта текла кровь, и было неясно, жив ли он.

Даже бойцы, охранявшие вход в центр, не в силах совладать с собой, зажимали уши, падали на землю и сворачивались в клубок.

Лишь спустя долгое время те, кто был снаружи, начали приходить в себя. Дверь распахнулась, и в комнату хлынули врачи, немедленно приступив к оказанию первой помощи.

Начальник очнулся первым, но уходить не собирался.

В итоге в комнате остались только он и командир отряда.

Начальник посмотрел на подчинённого, помолчал минут пять, а затем написал на доске одно слово.

Это было единственное слово, которое предмету удалось уловить перед тем, как пятнадцать смертников внезапно погибли — «папа».

— Что это значит — «папа»? — и без того мрачное лицо командира стало ещё темнее.

Начальник покачал головой.

— Судя по всем данным, этот Ци Яо во всём похож на обычного человека. Но теперь очевидно, что между ним и Гибельным переулком существует некая ключевая связь.

— Верно. Двадцать два года назад Ци Яо появился в Гибельном переулке, и его бурная активность тут же прекратилась. Четыре года назад, когда он уехал в университет, едва он сел в поезд, как переулок снова подал признаки пробуждения.

— И на этот раз, когда он вернулся, Гибельный переулок не проявил к нему никакой враждебности.

— Более того, по данным тепловизоров, Ци Яо только что был у «Образовательного учреждения „Всё для детей“». Не забывай, это место — тоже земля сошествия аномалий.

— И оно связано с Гибельным переулком.

— Высшее командование всегда подозревало, что между «Образовательным учреждением „Всё для детей“» и Гибельным переулком есть связь. Судя по сегодняшнему прослушиванию, эта версия, возможно, верна.

Верна? В каком смысле верна?

На доске под именами «Ци Яо», «Гибельный переулок» и «Образовательное учреждение „Всё для детей“» аккуратно, в порядке поступления данных, были написаны два слова.

«Брат», «папа».

Командир отряда задумался на мгновение и в шоке произнёс:

— Родственные связи... Неужели аномалии могут размножаться?

Лицо начальника стало ещё более серьёзным.

— Если это правда, весь мир охватит паника.

В последние годы аномалии всё чаще вторгаются в мир людей, и высшее руководство уже готовится к худшему сценарию — полномасштабной вспышке.

Если аномалии действительно способны размножаться, как люди, то до конца света осталось совсем недолго.

Командира пробрал холод. Лишь когда он смог совладать с выражением своего лица, он тихо спросил начальника:

— Информацию о сегодняшнем наблюдении и об Аномалии 001 нужно засекретить?

— Строжайше засекретить, — кивнул начальник. — Существование Ци Яо само по себе является государственной тайной. К тому же, до следующего пробуждения «Образовательного учреждения „Всё для детей“» осталось всего три дня, и на этот раз появление Ци Яо может внести в этот процесс новые, непредсказуемые изменения.

— «Образовательное учреждение „Всё для детей“» существует уже четыре года. Каждую неделю туда отправляют двадцать пять человек. Хотя в живых остаётся только один, выжившие получают огромные преимущества. За этим местом уже давно следят все, кому не лень.

— Официальная версия гласит, что Гибельный переулок — это лишь предварительная локация для «Образовательного учреждения „Всё для детей“», поэтому мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы они что-то заподозрили.

— А как быть с определением статуса Ци Яо?..

— Человек, аномалия или нечто среднее между ними... кто знает? — ответил начальник, но его глубокий взгляд надолго задержался на фотографии Ци Яо на доске.

В конце концов, каждый видит то, что хочет видеть.

***

Гибельный переулок

Ци Яо и Ци Хэюй уже вернулись в свой дом. На улице стемнело.

У двери их квартиры всё ещё стояла старушка Ван, которая наконец-то спустилась с четвёртого этажа на третий. Однако, увидев их, она зашагала ещё медленнее.

Ци Хэюй, измученный выходками Ци Яо, был раздражён и смотрел на всё с неприязнью.

Но Ци Яо продолжал без умолку болтать. Не выдержав, Ци Хэюй указал на старушку Ван.

— Ладно, других ты, может, и научишь. Но скажи мне, что ты будешь делать с ней? У неё паралич и травма таза уже пятьдесят лет!

— Правда? — Ци Яо удивлённо расширил глаза и долго смотрел на старушку Ван, а затем с сомнением произнёс: — Согласно моим познаниям, при параличе, длящемся более пятидесяти лет, да ещё в таком возрасте, как у бабушки Ван, без реабилитации и лекарств, полагаясь только на ходьбу по лестнице для тренировки, она давно должна была быть прикована к постели!

С этими словами, восхищаясь отменным здоровьем старушки Ван, Ци Яо вместе с Ци Хэюем вошёл в квартиру.

А снаружи старушка Ван, услышавшая весь их разговор, застыла с выражением полного недоверия на лице. Спустя некоторое время она молча развернулась и, дрожа, побрела наверх.

Бросив взгляд на окно на лестничной площадке, старушка Ван издала протяжный вздох, эхом разнёсшийся по всему подъезду.

Её силуэт излучал безграничную скорбь.

***

— Старый городской округ сегодня в десять утра был оцеплен. Официальных предупреждений об опасности не поступало, однако жителям рекомендуется не покидать свои дома и по возможности работать удалённо.

Вечер, восемь часов. Старенький телевизор в гостиной с трудом, с помехами, транслировал вечерние новости. Шторы были распахнуты, но за окном царила кромешная тьма. Изображение с экрана отражалось в стекле, искажаясь в причудливые формы.

Ци Яо, взобравшись на стремянку, развешивал на стене свои награды за четыре года учёбы в университете: почётные грамоты, диплом лучшего выпускника и многое другое.

Хоть он и не мог часто бывать дома, всю свою тоску он вложил в учёбу. В результате его интересы стали чрезвычайно широки, а количество сертификатов — внушительным.

Квартира Ци Хэюя и Ци Яо, хоть и находилась в старом доме, была просторной: стандартная трёхкомнатная планировка с двумя санузлами. Гостиная, правильной квадратной формы, была особенно большой — более сорока квадратных метров.

У двери в спальню, не двигаясь, стоял Ци Хэюй. Его лицо было лишено всякого выражения, а ледяной, почти неживой взгляд заставлял тень на полу бесконечно вытягиваться, пока она не коснулась ног Ци Яо.

Чёрные нити, словно лианы, отделились от тени и поползли вверх по его брюкам, остановившись у висков. В свете лампы они беззастенчиво парили в воздухе, сгущаясь, будто в

следующую секунду готовы были превратиться в острые лезвия и пронзить голову Ци Яо насквозь.

В этот момент Ци Яо повернулся к настенным часам и пробормотал:

— Уже десять часов?

Эти слова, словно заклинание, развеяли чары.

Все чёрные нити мгновенно исчезли. Ци Хэюй молча развернул кресло, закрыл дверь в спальню, лёг на кровать и закрыл глаза.

Однако в следующую секунду ручка двери повернулась, дверь тихонько приоткрылась, и в щель проскользнула чья-то фигура.

Ци Яо, который успел принять душ и переодеться в пижаму, вошёл в комнату и бросился к Ци Хэюю.

— Брат, я пришёл! — его голос звенел от восторга.

Матрас тяжело прогнулся, одеяло взметнулось вверх и снова опустилось, и Ци Яо благополучно устроился рядом с Ци Хэюем.

Ци Хэюй лежал неподвижно, но в воздухе снова сгустились чёрные нити, словно тысячи стрел, нацеленных в сердце Ци Яо. Атмосфера в спальне стала напряжённой и опасной.

Но Ци Яо, подобно маленькому зверьку, почувствовал лишь безграничное спокойствие, прижавшись к брату.

Наконец Ци Хэюй повернул голову и посмотрел на него. Его глаза, большие и круглые, были цвета глубокой, непроглядной тьмы. Красивые, но зловещие.

Ци Яо не чувствовал ничего странного. Он обнял Ци Хэюя и уютно устроился в его объятиях.

— Брат, я так по тебе скучал.

Он встал сегодня рано утром, чтобы успеть на самолёт, затем три часа ехал на поезде, а после поезда — почти два часа на такси. Долгая дорога его измотала. К тому же, весь день он был на пике эмоций от возвращения домой, и теперь силы его были на исходе.

Устроившись в объятиях Ци Хэюя, Ци Яо засыпал. Его сознание затуманивалось, но тело

инстинктивно прижималось к брату ещё крепче. Он уткнулся лицом в его шею, и его каштановые, пушистые и мягкие волосы растрепались. Когда он затихал, то выглядел особенно послушным.

Глаза Ци Хэюя были чернее ночи. Лишь когда часы пробили одиннадцать, он закрыл их. Его почти неподвижная грудь плотно прижималась к груди Ци Яо.

В огромной комнате Ци Яо и Ци Хэюй спали в обнимку, но в тишине ночи отчётливо слышалось лишь одно биение сердца — сердце Ци Яо.

Лунный свет, пробиваясь сквозь щель в двери, проникал в гостиную и освещал стену, соединяющую её с прихожей.

Правила семьи Ци

Вы находитесь в области идеального порядка. Любой нарушающий правила элемент дисгармонии будет уничтожен.

Слово «области» было зачёркнуто красным фломастером и заменено на «jia ting» (семьи).

Под этим общим правилом следовали конкретные пункты.

Первые несколько были написаны стандартным чёрным, строгим шрифтом, лишённым всяких эмоций. Но постепенно эти ровные иероглифы подверглись «нашествию» разноцветных карандашей.

Сначала цветные надписи были неуверенными, детскими, многие слова были написаны фонетическим алфавитом. Но со временем почерк становился всё более уверенным, и последние несколько сотен правил были написаны другим, очень аккуратным и округлым шрифтом.

Издалека казалось, что строгий чёрный шрифт был полностью колонизирован, что придавало стене вид трагический и безнадежный.

<http://bllate.org/book/16976/1580608>